

И во всех больших городах было то же самое.

Конечно, много трогательной самоотверженности проявлялось во время этого голода. Так, например, парижские секции Монмартр и Вооруженного человека постановили гражданский шестинедельный пост¹; а Мелье нашел в Национальной библиотеке постановление секции Обсерватории от 1 февраля 1792 г., которым зажиточные граждане секции взаимно обязывались друг перед другом «не употреблять ни сахара, ни кофе, пока цены на них не упадут настолько, чтобы позволить их братьям из более бедного класса тоже доставлять себе это удовольствие»². Позднее, в феврале и марте 1794 г., когда говядина высоко поднялась в цене, все патриоты Парижа решили больше не есть мяса.

Но все это, конечно, имело только нравственное значение среди всеобщей голодовки. Нужна была какая-нибудь общая мера, и Конвент был вынужден народом принять ее. Уже 16 апреля 1793 г. управление департаментом, к которому принадлежал Париж, обратилось в Конвент с просьбой назначить *максимум* цен, по которым позволялось продавать зерновой хлеб; и после серьезного обсуждения, несмотря на ожесточенную оппозицию жирондистов, Конвент издал 4 мая 1793 г. декрет, которым определялись высшие цены на зерновой хлеб.

Основная мысль этого закона была установить по возможности прямое сношение между крестьянами и потребителями помимо всяких посредников. Ради этого всякий, кто имел зерновой хлеб для продажи, и всякий хлеботорговец должны были объявить в своем муниципалитете, сколько у них было разных хлебов. Хлеб и муку позволялось продавать только в общественных рынках, на то предназначенных; потребителям же предоставлялось покупать зерновой хлеб непосредственно у хлеботорговцев и у землевладельцев, но только на один месяц, и то заручившись предварительно свидетельством из своего муниципалитета. Средние цены, стоявшие на разные сорта хлеба от 1 января до 1 мая 1793 г., становились теперь максимальными ценами, выше которых никто не смел продавать. Эти цены должны были постепенно опускаться до 1 сентября. Лицо, продавшее или купившее хлеб выше установленной цены, подвергалось штрафу. Тому же, кто был бы уличен, что умышленно испортил или зарыл зерновой хлеб или муку (а это делалось, несмотря на голод), полагалась смертная казнь.

Несколько месяцев спустя нашли, что лучше установить одну цену на зерновой хлеб по всей Франции, и 4 сентября 1793 г. Конвент установил цену на сентябрь месяц³.

Вот в чем состоял этот закон о *максимуме*, против которого столько восставали и за который роялисты и жирондисты так упрекали монтаньяров. *То была мера, вынужденная необходимостью*; но ее тем более не могли простить монтаньярам, что некоторые из них заодно с народом требовали, чтобы такса была установлена не только на зерновой и на печеный хлеб, но *также и на все предметы первой и второй необходимости*. «Если общество, - говорили они, - берет на себя защиту жизни граждан, то не обязано ли оно также защищать ее от тех, которые покушаются на жизнь людей, вступая в соглашение, чтобы лишить их припасов, необходимых для жизни?»

Борьба загорелась жестокая по этому вопросу, так как жирондисты и многие монтаньяры были совершенно против всякой таксы на припасы, находя ее «неполитичной, непрактичной и опасной»⁴. Но общественное мнение взяло верх, и 29 сентября 1793 г. Конвент решил установить максимум цен (твердые цены) для предметов «первой и второй необходимости».

Это решение было, впрочем, так неизбежно, что уже в самом начале революции, в 1789 г., вопрос, не следует ли запретить вывоз зернового хлеба, устроить общественные магазины и установить таксу на зерновой хлеб и мясо, был поднят как революционерами, так и государственными людьми умеренного лагеря. Некоторые города, как, например, Гренобль, уже в сентябре 1789 г. решили сами закупать нужный им хлеб и принять серьезные меры строгости против скупщиков. Уже с тех пор стали печататься массы брошюр по этому вопросу.

Как только собрался Конвент, требования максимальной таксы стали выражаться все настойчивее⁵, и Совет парижского департамента собрал представителей всех коммун этого департамента,

¹ Buchez B -J., Roux P. — C. Histoire parlementaire de la Revolution francaise, v. 1–40 Paris, 1834–1838, v. 37, p. 12.

² Mellie E. Les sections de Paris pendant la Revolution (21 mai 1790–19 vendemiaire an IV). Paris, 1898, p. 302, note.

³ 14 ливров за quintal пшеницы

⁴ См. коллекцию «Историческая библиотека революции» в Британском музее, где брошюры о припасах (Subsistances) занимают тома 473, 474 и 475.

⁵ В числе позднейших брошюр следует отметить брошюру Моморо, в которой развивались коммунистические начала